

17.03.10. Священный брак и смерть Офелии: от Шумера до Шекспира

Нина Владимировна Брагинская. 17 марта 2010 г.

Тезисы доклада

В докладе предпринята попытка реконструировать своего рода очистительную процедуру (по слову Гете), которую произвел Шекспир или его предшественник, с материалом Саксона Грамматика, рассказывающего историю о ярле Амлете. Причем «очистительная» процедура состоит не только в удалении лишнего, но и внесении нового, как материала, так и смысла.

Я не предполагаю, что этим самым сообщаю нечто новое о литературной истории и текстологии «Гамлета», которой посвящена огромная литература. Я даже не называю автора сюжета "Гамлета" Шекспиром, потому что мы не знаем ближайшего и непосредственного источника известной нам пьесы. Я лишь показываю на конкретном примере, что в известной нам пьесе есть рефлекс сцены, которую считающийся непосредственным источником *Uhr Hamlet'a* или пьесы Шекспира Бельфоре опустил, а автор трагедии ее каким-то образом «знал» или восстановил. И я оперирую такими понятиями как миф, эпос, или мифологическая сага, и трагедия, или пьеса, и рассматриваю, что происходит с сюжетом или мотивом в аранжировке мифа, когда его перерабатывает эпос, и с сюжетом эпоса (саги), когда его перерабатывает художник для пьесы. Слово миф используется для архаических мотивов, рудиментарно сохраненных у Саксона в саге и воскрешенных в пьесе. В докладе проводится сравнение этих мотивов с древнейшей и примитивной мифологией. Рассказ Саксона Грамматика (ученое переложение того, что называют "сагами о древних временах") представляет за другой способ изображения – эпический, историзирующий. Переходя к пьесе, я забочусь не о том, чтобы доказывать введение того или иного мотива в пьесу самим Шекспиром или не самим Шекспиром, а только об отличиях художественного текста от его традиционного материала.

В частности, рассматривается один эпизод из легенды или саги о древних временах, известной из Саксона: «Стали тогда поговаривать, мол, Амлет вполне вменяем и лишь прячет свой ум под личиною глупости, и уверять, что хитро прикидываясь, он скрывает какой-то тайный свой умысел, и что лучший способ разоблачить притворство такой: пусть

где-нибудь в укромном месте к нему подойдет женщина красивой наружности, чтоб возбудить в нем любовную жажду. Ведь естество столь безоглядно стремится к Венере, что этого не скрыть никакими уловками, и страсть сия слишком могуча, чтобы с ней совладало притворство. Стало быть, ежели Амлет только прикинулся слабоумным, он непременно подчинится силе наслаждения, едва представится случай. И поручают придворным увезти юношу на лошади подальше в лес и подвергнуть его такого рода испытанию. Среди придворных оказался молочный брат Амлета, хранивший в душе благодарную память о совместном их воспитании. Былую дружбу он ставил выше данного ему теперь приказа и следовал в свите за Амлетом, чтобы стать ему не ловцом а подспорьем. Он-то хорошо знал, какая страшная участь уготована Амлету, стоит ему обнаружить малейший признак разума, а особенно, если он, не таясь, предается Венере. Не укрылась опасность и от самого Амлета, так что когда приказали ему сесть верхом на коня, он нарочно уселся спиной к шее лошади, а лицом – к хвосту, и вдобавок принялся накидывать на хвост узду, словно ему предстояло сдерживать стремительный бег коня в эту сторону. Благодаря такой хитрой уловке он посмеялся над дядиным замыслом и избежал ловушки. Вдоволь натешились все, глядя, как скачет конь без узды, а седок правит его хвостом» (перевод здесь и далее мой).

Я пропускаю несколько сцен, в которых мудрые ответы Амлета принимаются за глупые благодаря использованию им омонимов, и продолжаю:

«Наконец Амлета покинули, чтобы, оставшись в одиночестве, он осмелел на свободе и удовлетворил любовное влечение. В густых зарослях он встретил женщину, подосланную дядей и будто бы случайно оказавшуюся на его пути. И он овладел бы ею, не предупреди его о ловушке молочный брат, который сумел, не промолвив ни слова, подать ему знак. Поразмыслив, как бы ловчее исполнить вой долг тайного услужения и удержать юношу от забав столь для него опасных, он приделал к брюшку кружившего рядом овода подобранную с земли соломинку и погнал его в ту как раз сторону, где по его расчету находился Амлет. Этим ничего не подозревавшему Амлету была оказана величайшая услуга, а знак был разгадан так же умно, как и подан. Ибо увидевши овода, Амлет тотчас заметил и соломинку, тащившуюся за ним, и понял, что его тайком предупреждают остерегаться западни. Насторожившись и подозревая засаду, он подхватил женщину на руки и унес ее к непроходимому болоту, чтобы там без опаски исполнить свое желание. Совекупившись с нею, он горячо умолял никому не рассказывать о происшедшем, и горячности его просьб отвечала ее готовность хранить обо всем молчание. Дело в том, что Амлет и девица воспитывались вместе, и та с давних пор привязалась к Амлету, ведь в детстве даже няньки у них были общие. По возвращенье домой все стали потехи ради добиваться от Амлета, не уступил ли он Венере, и он утверждал, что овладел девицей. Снова к нему приступали с расспросами, где это было и что служило им ложем, а он отвечал, что возлежал-де на конских копытцах, петушьих гребнях, да потолочных филенках. Ведь когда он отправлялся на испытание, то насобирав кучу всего этого, чтобы так избежать неправдивого слова. Стоявшая кругом свита громко смеялась его речам, хотя лукавство его не причинило истине никакого ущерба. И девицу спросили о том же, но она отрицала всякое подобное его действие. И ей тем легче поверили, что сами спутники нечего не знали наверное».

Уже давно выяснено, что Саксон, как и придворные, понял слова Амлета буквально и дал им наивное объяснение, противоречащее самому Саксонову рассказу: Амлет не знал ни о характере предстоящего испытания, ни о грядущих расспросах. И, значит, ничего заранее насобирать не мог. В действительности Амлет произносит народные названия болотных растений, которые Саксон перевел так же буквально, как поняли Амлета придворные. Преложитель этой истории в *Histoires tragiques*, католик и морализатор Ф. де Бельфоре исключил в своем изложении многое, в том числе болото, овода, совокупление, рассуждения о том, где возлежали любовники. По Бельфоре, дворянин из свиты Фенгона дает понять Амлету, какая его подстерегает опасность, принц не хочет верить, ибо на него подействовали чары красоты, но девушка сама подтверждает, что его ждет западня, потому что любит Амлета с детства.

Мы утверждаем, что в пьесе есть два отражения этого эпизода из Саксона, один передает то, что есть и у Бельфоре: Офелию подсылают к Гамлету, чтобы, подслушав их беседу, понять, безумен ли он. Другой то, чего у Бельфоре нет, но и присутствие этого элемента в пьесе не так очевидно. Сцене, в которой Амлет, предупрежденный о том, что за ним посланы соглядатаи, уносит девушку на болото, отвечает в пьесе "болотная смерть" Офелии. В пьесе *muddy death*, "болотная (илистая) смерть", в саге - соединение на болоте.

И сцене объяснения названий растений безумной Офелией отвечает рассказ саги о растениях, на которых «возлежали» любовники. В саге и пьесе повторяется перечисление идиоматически называемых растений, их пояснение, и даже совпадают некоторые названия.

Можно подумать, что это лишь *disjecta membra* источника, которого, правда, как считается, не было в распоряжении автора "Гамлета".

В докладе я показываю, что серия объяснений названий (болотных) растений известна поистине от начал человеческой культуры и находится в связи с браком в воде или болоте и смертью там же. Так что речь идет не просто о чтении автором «Гамлета» или Прото-Гамлета «Деяний датчан».

Серии объяснений растений, на которых возлежат в браке и в смерти, можно было бы считать случайностью, акциденциями повествования, если не видеть всего комплекса: и сестра, и пруд-болото, и цветы или тростник, и лес, и безумье юноши-девственника - все в этой сцене обретает значение лишь в компаративистской перспективе. Далее становится видно, что в замене пьесой любовной сцены сценой смерти на поэтическом уровне происходит достраивание мифа, который уже был забыт сагой. Саксон, переводя на латынь некий свой источник, передает сцену на болоте, так же мало понимая чуждые ему архаические пласты предания, как и игру слов в скандинавском источнике. Таково свойство эпоса: сохранять миф, его не понимая. Между тем, любовное соединение на болоте и испытание ума-глупости (т.е. не-безумия) по способности к соитию следует рассматривать именно в мифологической перспективе. В докладе кратко анализируются мифологические образы 'болото', 'девственность-безумие' и 'соитие-поумнение', 'брак с водяным', 'невеста-русалка' и др. и в заключение прослеживаются трансформации этих мифологических образов в тексте пьесы.